

Любовь

Машкова

ТОТ, КТО ПЕСНЕЙ СТЕПЬ ВОССЛАВИЛ...

Общенациональная программа «Рухани жаңғыру» предлагает актуализировать многовековое наследие предков, сделав его понятным и востребованным для молодежи в условиях цифровой цивилизации. Сохранению казахской культуры, духовности, национальной идентичности служат произведения классиков литературы начала двадцатого века Сакена Сейфуллина, Ильяса Жансугурова, Беимбета Майлина, Магжана Жумабаева, Жусипбека Аймаутова, Мыржакыпа Дулатова, Шакарима Кудайбердиева, репрессированных, уничтоженных в расцвете своего творчества и возвращаемых своему народу в независимом Казахстане.

...В воспоминаниях народного писателя Казахстана Музафара Алимбаева о том, как он в качестве молодого литсотрудника журнала «Жулдыз» сопровождал в начале пятидесятых Мухтара Ауэзова в поездке по Жетысу, есть одна очень характерная для того времени деталь. Мухтар Омарханович любил беседы обстоятельные, поучительные, наполненные блеском мысли и метафор, и только на один вопрос он избегал ответа – о своих учителях, предпочитая повторять абаевские строки: «Как скажешь, что умер, если оставил после себя бессмертные слова?»

Кто, оставивший «бессмертные слова», скрывался за этой недомолвкой? Пришел 1957 год, год реабилитации многих невинно осужденных, и Ауэзов смог назвать имя своего учителя, долгие годы бывшее под запретом: «Когда мы говорим о поэзии, имя Ильяса должно стоять первым после Абая», – написал он. Однако почти четверть века, прошедшие со дня ареста поэта в 1937 году, изъятия из обращения всех его книг и его имени из истории казахской литературы до издания в 1957–1960 годах его вдовой Фатимой Габитовой собрания сочинений в шести томах, сделали свое дело. Выросли поколения читателей, которым нужно было заново открывать Ильяса Жансугурова. И почему-то так случается, что человечество с бóльшим успехом справляется с «вычеркиванием из памяти народной», чем с возвращением в нее непреложных истин и истинных ценностей. Трудно и не столь триумфально, как можно было бы предположить по всему сделанному им, возвращается к своему народу Ильяс Джансугуров, чье 125-летие отмечается в 2019 году.

Новое время, новые общественно значимые задачи заставляют по-новому взглянуть на художественное наследие классиков. Можно сказать, время требует нового их прочтения. Почти полвека назад в докладе по случаю 80-летия поэта Олжас Сулейменов заметил: «Писатель – всегда историк, о каком бы времени он ни писал. Основной долг литературы – сделать память человечества непрерывной». И сказал о стихах Ильяса: «...было бы непростительным высокомерием подвергать их сегодня объективному анализу, оценивать формальные достоинства и указывать на недостатки. Их надо воспринимать как документальные источники, донесения с передовой линии идеологического фронта. Они со всей категоричностью, прямолинейной простотой характеризуют время».

Скажем больше: «искренние, раскаленные до красна строки Жансугурова», как их определял Олжас, и сегодня несут энергию созидания, учат патриотизму и верности своим идеалам. Да, общество поменяло идеологические ориентиры, но тем значительнее становятся неизменные нравственные, духовные постулаты, на которых зиждется поэзия Ильяса Жансугурова, принесшая национальной литературе ее вершинные произведения – поэмы «Степь», «Кюй», «Кюйши» и «Кулагер». В них на все времена создан образ свободолобивого, талантливого народа, в них торжествует непобежденный творческий дух и любовь к родной земле.

Любопытно свидетельство Фатимы Габитовой, жены поэта, о том, как произошел поворот Ильяса к темам национальной истории, народной жизни. После первого съезда советских писателей в 1934 году, на котором от казахской делегации выступал Ильяс, возглавивший затем созданный Союз писателей Казахской республики, Максим Горький принимал делегатов у себя на даче. «Хозяин, поглаживая седые усы, приветливо и тепло встретил нас, расспрашивал Ильяса о его творческих планах, – вспоминала Фатима. – Когда он ответил, что пишет поэму о челюскинцах, Алексей Максимович задумался ненадолго и посоветовал Ильясу: “Советский народ плохо знаком с традициями, обычаями, характером и нравом казахов. Вам, по-моему, нужнее будет через свои произведения рассказать о своем народе. Ищите драгоценности духа и красоту вокруг себя”. Этот мудрый совет Алексея Максимовича круто изменил русло поэзии и прозы Ильяса».

Ахмет Жубанов вспоминал, как Ильяс позвонил ему и сказал, что написал новое произведение: «Так как ты причастен к музыке, я хочу прочитать тебе». Он принес поэму «Кюйши» и, не отвлекаясь на другие разговоры, стал читать ее. Читал стоя, песенным напевом. «В зависимости от содержания... то с убыстряющей, возвышенной интонацией, то спокойно, замедляя и увеличивая паузы. Поэма оказалась великим произведением. Какое тут обсуждение! Я был потрясен и сказал только “Хорошо”. Он весь поглощен был музыкой стиха».

В основе поэмы «Кюйши» – любовь неизвестного акына к сестре хана Кенесары. В поэме сам Жансугуров проявил себя тонким знатоком казахской музыки. Известно, что Ильяс знал множество образцов народного творчества Семиречья. Александр Затаевич, работая над сборником «500 казахских песен и кюев», неоднократно привлекал поэта в качестве эксперта и респондента. Ильяс наигрывал известные ему мелодии на домбре, а Затаевич записывал ноты и слова. Одно из первых изданий своего сборника он подписал: «Дорогому другу и товарищу Ильясу Жансугурову от сердечно любящего его автора!»

О том, какой успех имела у первых читателей поэма «Кулагер», писал Сагин-гали Сеитов: «По сей день отчетливо помню ноябрь и декабрь 1936 года. Когда я, студент Уральского рабфака водного транспорта, ежедневно в одни и те же утренние часы ходил к городскому газетному киоску, чтобы достать очередной номер газеты “Социалистик Казахстан”, где публиковалась новая поэма Ильяса Джансугурова “Кулагер”. Шестнадцать раз стоял я в очередях, дабы не пропустить ни одного номера с публикацией. Поэма имела огромный успех!»

Высокую оценку поэмам Жансугурова давали их первые переводчики на русский язык – видные советские поэты Всеволод Рождественский и Михаил Луконин. «Поражает богатство и обилие вплетённых в неё образов, взятых из природы, из кочевого степного быта, из мира прямых и сильных страстей. Тут и пейзажи степных предгорий Алатау, и роскошь ханского жилища, и жестокие стычки враждующих родов, и мирные народные сборища, и красота жизни, и бурные порывы её коварства и самовластия... И сквозь эту эпически неуклонно развивающуюся легенду, как сквозь основной узор ковра, проходит настойчивый лейтмотив – музыка домбры. В сущности, она и является основным действующим началом», – пишет о поэме «Кюйши» Всеволод Рождественский, хорошо знавший поэта и осуществивший свой перевод уже в 1935 году.

Михаил Луконин – поэт военного поколения, переведивший поэму «Кулагер» на волне хрущевской «оттепели», признавался: «Я переводил многих поэтов, но “Кулагер” Джансугурова потряс меня своей глубокой эмоциональностью. Это могучий поэт» – и создал собственное стихотворение «Кулагер»:

Я переводил поэму, ликовал, скорбел,
То с Ильясом, то с Аханом вместе песни пел.
И меня промчал над степью Кулагер не раз,
Целовал я Кулагера в ослезненный глаз.
О поэзия святая, и тебе всегда
Зависть ставила рогатки, била без следа...
Слышу топот Кулагера, звон его копыт,
Тот, кто песней степь прославил, нами не забыт.

В бумагах Фатимы Габитовой сохранился рассказ, как забирали Ильяса. Лето 1937 года семья проводила на жайляу совхоза «Дегерес». Ильяс, из-за многочисленных дел присоединившийся к семье месяцем позже, и здесь правил неоконченную рукопись поэмы «Счастливая Жамал», к тому же в казахском драмтеатре готовилась к постановке его пьеса в стихах «Исатай – Махамбет» (кстати, она была восстановлена в Алматы в казахском ТЮЗе). Вот тогда-то и получили они записку от парторга Союза писателей с просьбой вернуться в город. Было 11 августа 1937 года. К вечеру следующего дня семья была уже в своей городской квартире. По словам Фатимы, утром Ильяс ушел на работу и вернулся только к четырем часам с Мухтаром Ауэзовым, с которым они долго беседовали в кабинете, пили кумыс. После вечернего чая вместе провожали Мухтара, вернулись домой уже в сумерках. «Подойдя к своему подъезду, мы увидели перед нашей дверью несколько темных фигур. Когда мы вошли, они последовали за нами. Один из них, рыжеватый и бледный, предъявил Ильясу ордер на обыск. До полуночи они обыскивали все комнаты. Конфисковали все

рукописи и книги из кабинета Ильяса. Лишь большой желтый шкаф, в котором хранилась часть его архива, стоял на террасе и был закрыт кошками и вещами, привезенными с джайляу. Его они не заметили. Эту часть архива и хранила я долгие и опасные годы».

По рассказам близких людей, рукопись поэмы «Кулагер» и газетные вырезки с ее публикацией сберег у себя дома в подушках писатель Сапаргали Бегалин, случайно оказавшийся у дома Ильяса, когда увозили его архив, и вынужденный помогать конфискаторам. Но самое удивительное, по словам дочери поэта Ильфы Ильясовны Джандосовой-Джансугуровой, было потом. Работник НКВД, которому было приказано уничтожить жансугуровский архив, не сделал этого и до самой смерти хранил его у себя в доме. Бумаги нашли соседи старика, сдавшие их в Госархив. В них же обнаружилась рукопись романа Аймаутова «Ак-Билек».

Наверное, один из самых страшных документов жансугуровского наследия – «расстрельный список», сохранившийся в архиве НКВД: «Прошу вашего распоряжения о приведении в исполнение приговоров... в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания – расстрелу» и далее фамилии тридцати семи человек, среди которых № 8 – Ильяс Джансугуров, № 25 – Беимбет Майлин. Они были расстреляны 26 февраля 1938 года в подвале НКВД и вывезены ночью в заранее заготовленную яму под поселком Жаналык. Долгие годы на этом месте стояла плита с надписью: «Жертвам трагической нашей эпохи, безвинно расстрелянным, тайно зарытым, здесь памятник будет поставлен!» В 2002 памятник был поставлен. А 27 декабря 2018 года в Жаналыке Талгарского района Алматинской области в рамках программы «Рухани жаңғыру» был открыт музей жертв политических репрессий, образовавший вместе с памятником мемориальный комплекс. Есть в музее и памятные материалы об Ильясе Жансугурове.

Но главный памятник Ильяс создал себе сам – своим творчеством, всей своей жизнью. Сын степняка-скотовода Жансугура, мастера по дереву и коже, знавшего арабскую грамоту и народные эпосы, Ильяс рано познакомился с фольклором и произведениями Абая, Махамбета, Ахана, Биржана, Ахмета Байтурсынова, Шакарима Кудайбердиева. Как он сам пишет в своей автобиографии: «Благодаря своей жажде и стремлению к знаниям, я упорно занимался самообразованием, умел читать и писать по-казахски». Эта жажда знаний заставила его поступить на учительские курсы, а уже поработав учителем и сотрудником газет «Кедей Еркы» и «Тильчи», поступить в возрасте тридцати лет в Государственный институт журналистики в Москве.

Ильяс Жансугуров вместе с Беимбетом Майлиным и Сакеном Сейфуллиным создавал Союз писателей Казахстана, который в этом году отмечает свое 85-летие, так же как созданные ими журналы «Әдебиет және искусство» и «Литературный Казахстан», нынешние «Жулдыз» и «Простор». Он активно собирал и объединял в творческий, профессиональный союз всех талантливых представителей родной литературы. Уже в те, тридцатые годы, он искал одаренную молодежь для работы в театре и кино, «открыл» в Семипалатинске Шакена Айманова. И это Ильяс Жансугуров сподвиг вернувшегося из тюрьмы в 1932 году Мухтара Ауэзова «бросить политику и заняться историей своего рода – историей Абая».

Сам Ильяс с большим вниманием относился к наследию великого просветителя и поэта, в своей статье «О книге Абая», он критикует издательство Халела Досмагамбетова, допустившее 22 ошибки при издании стихов поэта, и тщательнейшим образом разбирает их, обращаясь к современникам-литераторам: «Где Ахмет, где Шакарим, где Мухтар, почему не издаете своего Абая? Для жаждущего народа книга Абая как поток свежей воды в пустыне».

Сохранилась фотография, запечатлевшая Ильяса Джансугурова и Мухтара Ауэзова на конях в Заилийском Алатау, ее мне показывала Умут Ильясовна Джансугурова, старшая дочь поэта, многие годы скрупулезно собиравшая о своем отце устные и письменные сведения современников. В ее квартире на улице Джамбула хранилось в восьмидесятые годы много документальных свидетельств жизни ее отца. Со слов Мухтара Омархановича она рассказывала, что это была не просто прогулка. Писатели поставили целью добраться до Хан-Тенгри. Но нетренированное сердце недавно вернувшегося из заключения Ауэзова потребовало остановки. Они добрались только до Кегеня. Тогда и состоялся знаменательный разговор, положивший начало работы Мухтара Омархановича над романом-эпопеей об Абае. Считая Ильяса своим учителем, Ауэзов говорил, что это была дружба, окрыленная великими творческими идеями. Известно, что сам он высоко оценил в своей статье перевод «Евгения Онегина» Пушкина, осуществленный Ильясом Жансугуровым к столетию гибели поэта.

«Когда мы говорим о поэзии, имя Ильяса должно стоять первым после Абая», – эти слова Мухтара Омархановича Ауэзова должны быть главными, когда мы обращаемся к наследию Ильяса, к памяти Ильяса. В дни празднования девяностолетия поэта Ануар Алимжанов в докладе в Союзе писателей подчеркивал великое значение истинно казахской, истинно народной поэзии Ильяса Жансугурова для всей страны. Обращаясь к прекрасным строкам, посвященным поэтом родному Жетысу, Ануар Алимжанов говорил: «Жетысу – это не только молодость поэта, а колыбель и родина наших далеких пращуров – саков-тиграхауда, прародителей всех тюркоязычных народов. Жетысу – это не семь рек, не Семиречье, об этом хорошо знал и поэт... Жетысу в переводе с древнетюркского означает “Семь вод”. В понятие Жетысу входит огромная территория, все земли, лежащие по берегам “семи вод” – озер Сайрам-Нур и Эби-Нур (за Джунгарским хребтом), Сасыкколь, Алаколь, Итколь, объединенных под общим названием Уш-Арал, Балхаша и Иссык-Куля».

Эта прекрасная гипотеза в свете задач программы «Рухани жаңғыру» и просветительских ориентиров, выдвигаемых в статье Елбасы «Семь граней Великой степи», сегодня может иметь, по крайней мере, два равновеликих воплощения. Первое – продвигаться по пути дальнейшего восстановления исторической народной памяти, имея у себя такие высокие поэтические образцы – поэмы Ильяса, его статьи, переводы, драматургию. И второе – не замыкать великую, свободную и вольную поэзию Ильяса пределами талдыкорганского Семиречья. Ильяс принадлежит всей стране, всему тюркскому миру. Однако пока увековечение его памяти происходит главным образом в пределах одной области усилиями в основном семьи и созданного ею общественного фонда. А ведь толстовская Ясная Поляна или пушкинское Михайловское не единственные места памяти гениев.

Прекрасный памятник Ильясу работы Толегена Досмагамбетова воздвигнут в столетний юбилей поэта на въезде в Талдыкорган, прекрасный жансугуров-

ский музей, во многом созданный в свое время стараниями Умут Ильясовны, работает в городе, его посещали, отдавая дань памяти поэта, Д. А. Кунаев и Н. А. Назарбаев. И сегодня с музеями: и Талдыкорганским, и Жаналыкским, и АЛЖИРским, где есть стенд памяти Фатимы Габитовой, поддерживает связь сын поэта Саят Ильясович Жансугуров, активно пропагандирующий творчество и деяния Ильяса. Замечательно работает с жансугуровским наследием университет его имени. Активно действовал все эти годы общественный фонд Ильяса Жансугурова, возглавляемый его дочерью Ильфой Ильясовной Джандосовой-Джансугуровой, осуществивший многие памятные издания. Среди них «Стихи и поэмы» в переводе на русский язык известных российских поэтов М. Луконина, Е. Винокурова, Вс. Рождественского, Е. Евтушенко, В. Савельева и других, статьи, проза, письма, дневники Фатимы Габитовой, методическое пособие «Ильяс Жансугуров в школе» Раисы Турдиевой, преподавателя русского языка и литературы алматинской гимназии № 130, носящей имя поэта. Фондом было подготовлено новое издание – стихи и поэма «Кюйши» в переводе Берика Жилкибаева, а также проведен конкурс на лучшие переводы. Издано замечательное исследование «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова» Герольда Бельгера. Большой общественный международный резонанс имел круглый стол, проведенный в Посольстве Казахстана в Москве, посвященный обсуждению творческого наследия Ильяса Жансугурова, с участием культуролога и востоковеда Мурата Ауэзова, историка Наили Бекмахановой, известного российского литературоведа Николая Анастасьева, автора книги «Мой Ильяс» и переводчика профессора Берика Жилкибаева.

Но все эти усилия только подводят к мысли, что современники еще в большом долгу перед памятью Ильяса Жансугурова. Ведь его с таким трудом сохраненный и собранный архив до сих пор не используется для систематизированного изучения, в Институте литературы и искусства им. Ауэзова Министерства образования и науки нет отдела, занимающегося изучением наследия Жансугурова, до сих пор не осуществлено академическое издание его произведений. А самым полным является шеститомное Избранное, изданное Фатимой Габитовой после реабилитации поэта в 1957 году. Сейчас, когда принята и работает государственная программа «Рухани жаңғыру», все эти вопросы могут наконец получить свое положительное решение. Наследие Ильяса Джансугурова – это, прежде всего, дело государственное, дело профессионалов – писателей и литературоведов. Это наследие, которое служит сохранению национального кода, духовному здоровью нации, являет для молодых литераторов наглядный пример высокого служения своему народу.

